

II. Слово при погребеніи А. М. Осинскаго.

*Рече Иисусъ: вечеру бывшу, мало-
лете: будетъ ведро, потому что небо
красно. И поутру (говорите)—сегодня
ненастье, потому что небо багрово
(Мѡ. 16, 2—3).*

Такъ, въ давніе годы судили люди о погодѣ. Такъ, и по-нынѣ судятъ о ней, глядя на восходъ и закатъ солнца. Когда закатъ тихъ и ясенъ, мы довольно вѣрно опредѣляемъ, что и восходъ солнца на завтра будетъ тоже ясенъ и тихъ. А когда солнце, вечеромъ-ли, утромъ-ли одѣвается багряною зарею, скрывается за красно-сизыми облаками, мы предполагаемъ, что будетъ ненастье, и почти не ошибаемся. Вообще относительно погоды также гаданія бывають надежны, когда о ближайшемъ будущемъ судятъ по настоящему, или недавно-прошедшему.

Не такъ въ жизни человѣческой. Безпочвенны всѣ тѣ сужденія, въ которыхъ опредѣляютъ будущее—вечеръ жизни, по началу ея. Еще ошибочнѣе бывають заключенія, когда по закату жизни гадають объ ея началѣ, о восходѣ ея до полной зрѣлости и о склонѣ къ западу. Трудно съ полной точностью сказать, что вышло изъ человѣка, послѣ того, какъ онъ состарѣлся и умеръ. Но еще труднѣе предсказать, что выйдетъ изъ человѣка, когда

онъ рождается и растетъ. Конечно, случается, что какимъ чело-
вѣкъ ложится въ колыбель, такимъ-же онъ уходитъ въ могилу.
Однако и это вѣрно только относительно *характера* и то немно-
гихъ лицъ. Теченіе-же жизни, удачи, богатство, положеніе въ
обществѣ, семейное счастье,—словомъ все, что на обыкновенномъ
языкѣ называется судьбою—все это крайне измѣнчиво, превратно,
непостоянно. Безусловно вѣрнымъ при сужденіи о жизни чело-
вѣка остается одно: старость и смерть служить отпечаткомъ
прошлаго; какимъ челоуѣкъ ложится въ могилу, такимъ онъ въ
сущности и былъ, пока жилъ.

Почившаго собрата и сослуживца нашего Александра Ма-
ксимовича мы знаемъ не первый годъ. Онъ Одесскій старожилъ;
онъ—Одесскій дѣятель, безпорочно служившій городу и краю
поль-вѣка; онъ—церковный староста Одесскаго каедральнаго
собора, занимавшій эту должность въ продолженіи семи трех-
лѣтій. Когда вглядываешься въ складъ его характера и жизни,
невольно поражаетъ прямота—прямолинейность его. Челоуѣкъ,
еще юношей выбралъ себѣ родъ службы по гражданскому вѣдом-
ству и до послѣдняго дня въ теченіи 44 лѣтъ не меняя учре-
жденій, служилъ. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ рѣдкое
и счастливое исключеніе, такъ какъ, обыкновенно, изъ челоуѣба
вырабатывается въ жизни совсѣмъ не то, что его молодость
обѣщаетъ. Почти полувѣковой трудъ почившаго былъ—если
угодно,—замкнуть и спеціаленъ: въ должности секретаря Одес-
скаго строительнаго Комитета, который впослѣдствіи, по его-же
иниціативѣ, былъ обращенъ въ управление главнаго инженера
Новороссійскихъ коммерческихъ портовъ,—онъ и не имѣлъ ко-
нечно возможности посвящать свои силы выполненію какихъ
либо широкихъ задачъ. Но въ томъ его и заслуга. Честно и
стойко онъ дѣлалъ *свое* дѣло; что кричить о себѣ, что расчи-
тано на популярность, отъ того онъ рѣшительно уклонялся,
избѣгалъ. А эти 44 года усидчиваго труда выяснить и значеніе
ихъ опредѣлить время.

Съ молодыхъ лѣтъ до смертнаго ложа покойный Александръ.

Максимовичъ былъ боткимъ, вѣрующимъ человѣкомъ веселаго общительнаго дѣятельно-заботливаго нрава. Тотъ-же духъ мирнаго благодушія, рѣдкой аккуратности, живости и ясности мысли сохранился въ немъ и до послѣдняго вздоха.

Послѣдніе 20 лѣтъ его жизни посвящены были Одесскому кафедральному собору. Чтò сдѣлалъ почившій въ этомъ отношеніи, каковъ онъ былъ староста, уже сказано и сильно и выразительно. Вѣримъ и знаемъ, что на этомъ поприщѣ труда онъ былъ тотъ-же, какимъ оставался въ сущности: не говоримъ о высокой честности, о безукоризненной точности почившаго; онъ дѣлалъ всё, что могъ сдѣлать;—онъ сложилъ къ подножію этого храма свою христіанскую вѣру въ безсмертіе и воскресеніе, свою любовь къ Богу, свои знанія, свои надежды и силы.

На закатѣ дней сошла на его грудь звѣзда Царской милости. Увы! Не судилъ ему Господь увидѣть эту звѣзду. Она украсила не грудь его, а гробъ его. Звѣзда на груди старика, который не отсталъ ни отъ кого, не отсталъ отъ многихъ счастливейшихъ по рожденію, по образованію, по службѣ,—звѣзда на заслуженной старости—это отрадное, почтенное, всеумиротворяющее украшеніе. Слишкомъ поздно—въ тотъ день, когда смертный недугъ уложилъ его на послѣднее ложе,—загорѣлась эта звѣзда. И не въ ея сіяніи старецъ черпалъ свои уходившія силы. Послѣднія его минуты были облегчены примиреніемъ совѣсти, обрадованы прибытіемъ дорогихъ членовъ родной семьи. Онъ погасъ неожиданно, какъ погасаетъ свѣтильникъ, вдругъ—вспыхивающій полнымъ яркимъ пламенемъ и затѣмъ разомъ—меркнувшій.

Отче нашъ и Господи! Прими духъ вѣрнаго сына Твоего, усердно служившаго благолѣпію дома Твоего; объятія отча открой ему; прости вся вольная и невольная его согрѣшенія. Милостивъ ему буди и вѣру, которую онъ имѣлъ, и дѣла въ оправданіе ему вмѣни, упокоевая его съ Твоими избранными и отъ вѣка Тебѣ угодившими. Аминь.

Священникъ С. Петровскій.